

СЛОВО РЕДАКТОРА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ: ПОВЕТРИЕ В БЕЗВЕТРИЕ? (полемические заметки)

О.Ю. МАМЕДОВ

Сфера анализа ценностей и оценок (красиво именуемая «аксиологией») — сфера иррационального таинства, ибо по природе своей есть область субъективного и произвольного. И какие бы мощные интеллектуальные потуги объективирования (в чем, собственно, и состоит «онаучивание» любого направления познания) аксиологии ни демонстрировали социологи, не дается им это уже века полтора; да и то сказать, отыскать объективное в субъективном — задача не из легких.

Аксиология¹ всегда была любима философами: предметная специфика онтологии (убежища преимущественно материалистов — как сознательных, так и стихийных, ломавших головы над устройством бытия) не поддавалась всем желающим; тонкости гносеологии (убежища преимущественно идеалистов, ломавших головы над устройством мышления и относившихся к нему примерно так же, как материалисты — к бытию) жестко требовали методологических приличий; так что аксиология оказалась приютом оставшемуся большинству, т.е. — «не-онтологам» и «не-гносеологам».

Аксиология — это эрзац-телеология, которая во всем маниакально пытается узреть некую целесообразность. Поэтому для аксиолога высшим критерием

¹ Аксиология (от греч. «axia» — ценность и «logos» — учение) — общая теория познания природы ценностей; в социологию проблематику ценностей ввел М. Вебер, исходивший из предпосылки, согласно которой теоретическая интерпретация каждого человеческого акта требует его соотнесения с ценностями, определяющими нормы поведения людей и их цели.

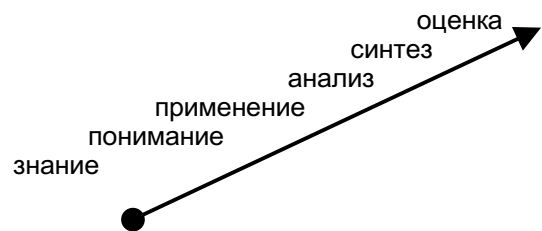
научного познания становится нахождение ответа на главные (в рамках его «аксиологической» специализации) вопросы: а — «зачем?», а — «для чего?», а — «с какой целью?» Эта анимационная активность аксиологов и вынуждает мир и мышление терять время и силы в поисках телеологического оправдания своего существования².

Чем же обаятельна аксиология? Да тем, что она исследует оценки всего и вся (полезности, желания, цели) и порождаемые ими эмоции. Аксиологический подход, поневоле сведенный только к миру человека, отомстил своим «удобством» — тем, что он дал некий «универсальный» инструмент некоего «универсального» размышления о некоем «человеке вообще», освободив социологов от опротивевшего им социально-экономического (точнее — «политико-экономического») контекста: стараниями Г. Риккерта, М. Вебера и П. Сорокина в социологии произошел «аксиологический переворот» — *ценности были признаны главной побудительной движущей силой общественного развития*³.

Итак, произошло то, чего опасались знакомые с материализмом и диалектикой: «пирамида Маслоу» вышла за пределы психологии и совершила триумфальное шествие по всем областям общественности (уцелели только «есте-

ственники»). Теперь анализ так называемых «регулятивных процессов» (принятие решений, осуществление целеполагания и планирование поведения) объясняется сугубо оценочными суждениями — наконец-то все стало просто и ясно! Действительно, чего проще: иерархия человеческих ценностей предопределяет иерархию общественных феноменов (??). На языке научной методологии это и есть идеализм чистой воды — не мир формирует оценки, а оценки формируют мир. Да, скучать в общественности не приходится...

Аксиологическая реальность предстает истязательным интеллектуальным занятием, будучи трудным восхождением от «знания» — к «оценке»:

Акция личного самоопределения — такова социальная парадигма аксиологии.

Но — будьте начеку: всякий копающийся в «сознании» обязательно приблизится к «подсознанию», затем — к «надсознанию» и (внимание!) — непременно закончит *парапсихологией*. Единственное, что может утешить, так это то, что уже совершивший подобный «будейовицкий анабазис» знаменитый «окультист Юрайда» обладал недоступным для современных аксиологов чувством юмора!

Аксиология ворвалась и в экономическую теорию: материалистически-монистическую «стоимость» мгновенно поменяли на аксиологически-монистическую «ценность», из двух свойств товара в живых оставили одно — «полезность», экономические феномены пре-

² В советской философии аксиологию «ликвидировали», что сразу поубавило число любознательных социологов (заодно избавив советскую систему от действительно противных для нее «зачем» да «почему»).

³ Материалистический подход в социологии всегда с уважением относился к ценностным ориентациям исторических индивидов как к мотивационном механизму их поведения, однако побудительной силой социального движения признавал не эти ориентации, а формирующие их объективные исторические обстоятельства, совокупность которых в научной социологии традиционно обозначается категорией «общественное бытие».

вратились в «институты общественного консенсуса», деньги нашли новых родителей — в лице «транзакций», а цена подчинилась логике «производственной функции».

Сказать откровенно, измерение абстрактной полезности оказалось еще бессмысленнее, чем измерение абстрактной стоимости, — но это уже никого не волновало: победили конструкции с логически неоднородными элементами. И если суммировать два трактора с двумя киловатт-часами еще стесняются, то складывать факторы производства («земля» + «труд» + «капитал») не затруднительно даже для профессора.

В рамках научной парадигмы рациональное мышление есть объективная рефлексия бытия; но тогда аксиология занимает статус субъективной рефлексии объективной рефлексии, — и это предлагать в качестве объекта *экономического* познания? Неловко напоминать азбучные истины, но ситуация вынуждает: также как в стоимости нет ни грана вещественного, так и в экономике нет ни грана ценностного. Поэтому предлагать аксиологический подход к экономическим процессам, формам и противоречиям означает — в силу монистического принципа — их всеобщую и системную телеологизацию. Ну и как после этого не верить в круговорот (то бишь — «циклизм») обществоведческой мысли?

С позиций аксиологии социокультурные особенности России определяются отношением личности, общества и государства; российская социокультурная модель включает приоритет интересов общества, которые выражает государство; принцип историчности — основа исследования национальных социокультурных моделей; «вечные инварианты» отношения личности, общества и государства существуют в конкретных формах; стандартная экономическая теория не связана с какими бы то ни было

культурными традициями; управленческие ошибки больших и малых начальников делают невозможными необходимые изменения⁴.

Выводы, по нашему мнению, хиловатенькие: во-первых, отношение «личность — общество — государство» определяет социокультурные особенности не только России, но и любой страны; во-вторых, требование историчности — ни на что не претендующая банальность; зато, в-третьих, вывод о наличии «конкретных форм вечных инвариантов» действительно удивителен! Наконец, экономистам неизвестна некая «стандартная» экономическая теория, а в известной им экономической теории культурные традиции имеются.

Соотношение «экономики» и «культуры», будучи величайшей проблемой общественной организации (и потому — всей социологии), имеет давнюю историографическую традицию. Поэтому не понятно — почему опрос запыхавшихся менеджеров, чем озабочены экономо-аксиологи, сможет «конкретизировать проблему соотношения экономики и культуры». Более того, «затверждение» (как изящно выражаются аксиологи) стереотипов национального поведения у менеджеров, т.е. у одной определенной социально-профессиональной группы, распространять на все общество — слишком сильное и произвольное допущение.

Итогом интеллектуальных усилий экономо-аксиологов явилась формулировка семи (! — счастливое число) критериев-феноменов, создающих богатство, определяющих благосостояние государств и образующих универсальную систему ценностей. К этой «великолепной семерке» относятся (для большего наслаждения приведем их построчно):

- правила и исключения из правил;
- конструкция и деконструкция;
- способ управления индивидами;

⁴ См.: [4, с. 55–60], а также [2; 3, с. 140–187].

- восприятие внешнего мира;
- синхронизация процессов;
- выборы руководства;
- равенство шансов.

Как поясняют аксиологи, большинство социологов и антропологов считает данную систему основанием любой организованной деятельности, а рост благосостояния невозможен без учета данной аксиологической системы всеми экономическими и политическими организациями.

Однако мне, консервативному политико-эконому, перечисленные эманации представляются произвольным (и потому бессмысленным) объединением разных сторон жизни общества, смешением важного – с неважным, объективного – с субъективным; здравый смысл противится такой эклектике.

Что же касается вывода об «аксиологическом» характере перечисленной эклектики как основании организованной деятельности, то вряд ли хоть один экономист с этим согласится (речь идет, разумеется, о профессиональных экономистах). Тот, кто в состоянии объяснить эту мешанину, объединяющую «восприятие внешнего мира» с «выборами руководства», а «конструкцию и деконструкцию» – с «равенством шансов», тот, я верю, сможет мощно задвинуть экономико-аксиологическую мысль еще дальше.

Правда, далее приобщающиеся к экономической аксиологии узнают, что реализация данной системы зависит от семи (! – снова удача со счастливым числом) пар универсальных ценностей: «универсализм – партикуляризм», «анализ – синтез», «индивидуализм – коллективизм», «внешняя – внутренняя управляемость», «последовательность – синхронность», «достижение (личные успехи) – назначение на должность»; «равенство – иерархия».

Если попытаться подойти к этим семи «универсальным ценностям» без напрашивающейся иронии, то эклектизм

формирования сей славной когорты категорий предстанет во всей своей неприличной наготе – не только в силу невозможности рационального объяснения логики отбора каждой «пары», но и в силу отсутствия логики формирования всего рассматриваемого набора. В самом деле, каким образом невнятная пара «универсализм – партикуляризм» соседствует с вполне определенными универсальными аналитическими инструментами «анализом – синтезом», вряд ли смогут объяснить сами творцы «экономической аксиологии». Это же касается соседства всех включенных в набор пар. Словом, если у В.В. Маяковского семь «чистых пар» существовали отдельно от семи «нечистых пар», то в экономической аксиологии семь «чистых пар» при ближайшем рассмотрении сами являются «нечистыми». Эвристическая значимость подобной категориальной «нечистоты» ведома только экономо-аксиологам!

Экономо-аксиологи исходят из априорной конфликтности перечисленных «ценностей», – почему? Пока порождающая такую конфликтность предпочтительность той или иной ценности остается выдумкой аксиологов (социологов, политологов, культурологов и пр.), поскольку экономический анализ требует доказательного выведения этой предпочтительности только из объективной логики исторического движения реальных экономических процессов.

Все-таки в анализе, претендующем на научность, нужно было бы хоть что-то обосновать. Методологическая посылка экономической аксиологии – «приоритет одной ценности за счет другой» (поскольку-де «конфликт ценностей существует всегда и везде»). Открытие такого «вневременно-внепространственного» конфликта в настоящее время немного забавно: ведь так же, как для того, чтобы любить больше одного, не требуется любить меньше другого, – так

и реализация одной ценности вовсе не требует подавления «альтернативной»; социальное пространство экономики столь велико, что в нем мирно уживается буквально все, в том числе — и реликты исчезнувших экономических эпох. Во всяком случае, когда «экономико-аксиолог» шарахается при виде черной кошки, это нисколько не мешает ему садиться к компьютеру...

Лелеемые экономической аксиологией идеальные ценности (равно как и иные, оставшиеся вне их внимания) в суровой реальности распределены между различными социальными группами и различно реализуются в различных ситуациях⁵. Смешно приписывать народу нежелание трудиться, вцепившись в «экономико-аксиологическую» ценность, представленную поговоркой «Работа не волк — в лес не убежит», — но не менее смешно вопить о трудовом энтузиазме, вцепившись в другую «ценностную» поговорку — «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда».

Вместо того чтобы видеть экономику как социальное пространство, реализующее весь набор возможных ценностей, экономическая аксиология искусственно конструирует некие конфликты неких «универсальных» ценностей, ко-

торые затем доблестно анализируются и рекомендуются соответственно «народному менталитету».

Однако подлинный порок методологии экономической аксиологии, придающий ей околонучный, метафизический характер, состоит в отказе от признания материалистической природы производства и примата его статуса в социальной организации. Этот метафизический подход, внесенный в современную социологию еще М. Вебером (который, к изумлению материалистов, говоря попросту, не протестантские этические ценности выводил из капиталистического устройства, а, напротив, — капитализм выводил из протестантизма), приобрел горячих сторонников в лице всех тех, кому легче из абстрактных ценностей объяснять происхождение богатства, чем из реальной экономики выводить возникновение абстрактных «аксиологических ценностей».

Социально-созидательный потенциал аксиологических «инструментов» несомненен, — однако их система и направленность однозначно заданы экономикой: тоталитарно-административная организация «социалистического» производства сформировала такие массово-криминогенные устремления насе-

⁵ Аксиологический подход способен обратиться в экономическую теорию только через так называемую «наноэкономику» — лазейку, позволяющую подменять **социальный** подход в экономической теории **личностным**; и подобные попытки становятся все более настойчивыми: «...возникли основания рассматривать эти физические лица как самостоятельные экономические субъекты, образующие отдельный и существенно влияющий на состояние экономики слой специфических агентов. Здесь следует говорить не просто об отражении интересов тех или иных физических лиц в поведении предприятий, учреждений, но о систематическом принятии решений преимущественно в интересах конкретных физических лиц. Другими словами, если в обычной ситуации в развитой рыночной экономике поведение предприятий диктуется реакцией на макро- и мик-

роэкономические факторы, то в России они лишь в малой степени определяют деятельность фирм, а доминирующими являются именно интересы физических лиц (обычно руководителей предприятий). Таким образом, возникает представление экономики в виде своеобразного четырехслойного пирога, состоящего из макро-, мезо-, микро- и минимальных по размеру экономических агентов наноэкономики... В настоящее время применительно к условиям России целесообразно ввести в контекст рассмотрения дополнительный к трем уровням анализа (макро-, мезо- и микроэкономическому) четвертый институциональный уровень отдельных физических лиц как самостоятельных субъектов принятия экономических решений» [1]. Уровень отдельных физических лиц? В экономической науке? Как говорят в таких ситуациях студенты: вау, это — круто!

ления, которые до сих пор противодействуют росту экономической эффективности на рыночных началах. И преодолеть эти устремления способно не аксиологическое увещание, а — реальное формирование реального рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клейнер Г.* Эффективность мезоэкономических систем переходного периода // Экономическая наука современной России. 2002. № 6.
2. *Макаренко В.П.* Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов н/Д, 1998.
3. *Макаренко В.П.* Экономическая аксиология: опыт исследования экономических культур // «Общество и экономика». 2002. № 6.
4. *Плискевич Н.М.* «Экономика — язык — культура». К итогам дискуссии // ОНС. 2001. № 6.